**ДЁМИНА
Яна
Валерьевна**

Кандидат экономических наук, научный сотрудник
Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DYOMINA
Yana
Valeryevna**

Ph.D. in economics,
research fellow

Economic Research
Institute FEB RAS, 153,
Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

yandemi@yandex.com

УДК 339.56 + 339.92

РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АТР

Ускоренное развитие Дальнего Востока России было провозглашено в 2013 г. национальной приоритетной задачей. В различных программных документах развитие макрорегиона предполагается за счёт укрепления и интенсификации внешнеэкономических связей со странами АТР. В статье рассматривается роль России в интеграционных процессах в АТР и их влияние на социально-экономическое развитие Дальнего Востока.

Дальний Восток России, АТР, СВА, внешняя торговля, экспорт, международная экономическая интеграция, зона свободной торговли

RUSSIAN FAR EAST DEVELOPMENT: CHALLENGES UNDER DEEPENING INTEGRATION IN ASIA PACIFIC

The accelerated development of the Russian Far East was declared a national priority in 2013. In various policy documents the Russian Far East development is expected due to the strengthening of its foreign economic relations. The Far East development is entirely driven by external demand, so it's impossible without taking into account prospects, development trends and needs of Asia Pacific. At present, Russia is almost not involved in regional integration processes, and without a breakthrough in the potential trade and economic isolation of the country and the Far East, its socio-economic development seems vague.

Russian Far East, Asia Pacific, Northeast Asia, foreign trade, export, international economic integration, free trade area

Работа выполнена в рамках Комплексной программы фундаментальных научных исследований ДВО РАН «Дальний Восток», проект 18-5-053 «Безопасность и устойчивость развития экономики Дальнего Востока в условиях интенсификации интеграционных процессов в АТР».

МАЗИТОВА**Марина
Гамиловна**

Младший научный сотрудник
Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

MAZITOVA**Marina
Gamilovna**

Junior researcher
Economic Research
Institute FEB RAS, 153,
Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

mazitova@ecrin.ru

Введение

В 2013 г. в послании Президента РФ Федеральному Собранию ускоренное развитие Дальнего Востока России¹ было провозглашено национальной приоритетной задачей на весь XXI век². Развитие макрорегиона предполагается за счёт укрепления и диверсификации внешнеэкономических связей. Акцент делается на использовании природных ресурсов, инфраструктурном укреплении Дальнего Востока в качестве транзитного региона для национального экспорта на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и создании сети специальных территорий опережающего экономического развития с особыми условиями для организации несырьевых производств, ориентированных в том числе и на экспорт³. Предполагается, что динамичное развитие дальневосточных территорий не только откроет новые возможности в экономике, но и даст дополнительные инструменты для проведения активной внешней политики России в АТР.

«Поворот России на Восток» и интенсификация внешнеэкономических связей Дальнего Востока со странами АТР как основной инструмент развития экономики макрорегиона отнюдь не являются новыми идеями⁴. Первые шаги по политическому и институциональному сближению со странами АТР Россия сделала в августе 1992 г., когда был создан Российский национальный комитет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству. В сентябре того же года Россия стала членом Совета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС). В это же время в России начался период экономических реформ, направленных в том числе на либерализацию торговли. Для Дальнего Востока этот период ознаменовался разрушением связей с внутренним рынком и падением конкурентоспособности местных производителей в результате инфляционного роста издержек и отказа центрального правительства от суб-

¹ Термины «Дальний Восток России», «Дальний Восток» и «Дальневосточный федеральный округ (ДФО)» используются в данной статье как синонимы. В состав ДФО в настоящее время входит 9 субъектов РФ: Хабаровский, Приморский и Камчатский края, Амурская, Магаданская и Сахалинская области, Республика Саха (Якутия), Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ.

² http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155646/

³ См., например, Стратегию социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.

⁴ Например, в Долговременной государственной программе комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г. (1987 г.), в федеральной целевой программе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы» (1996 г.) и её редакции до 2010 г. (2002 г.).

сидирования экспорта. В совокупности с географической близостью внешнего рынка и богатым природно-ресурсным потенциалом макрорегиона это обусловило перераспределение совокупных экономических ресурсов в пользу экспортно-ориентированных производств за счёт традиционно преобладающих на Дальнем Востоке отраслей и усиление внешнеэкономических взаимодействий макрорегиона.

За время экономических реформ в России пространство АТР претерпело значительные изменения. Например, были созданы многочисленные торговые и политические блоки, сложились международные производственные сети, выросли торговые, инвестиционные, туристические потоки. В связи с этим возникает вопрос «отклика» экономики России в целом и Дальнего Востока в частности на произошедшие в АТР изменения. На первый взгляд, экономика ДФО, несмотря на ряд серьёзных проблем, имеет возможности для развития на основе имеющихся богатых природных ресурсов и близости с динамично развивающимися странами АТР. Однако вопросы развития экономики макрорегиона в условиях интенсификации интеграционных процессов в АТР остаются актуальными.

Многостороннее экономическое сотрудничество в Восточной Азии и положение Дальнего Востока России

В настоящее время Восточная Азия¹ демонстрирует высокие темпы роста ВВП, торговых и инвестиционных потоков и является одним из центров мировой политики. В регионе также активно развиваются процессы международной экономической интеграции.

В то же время Дальний Восток России может развивать экономическое сотрудничество с региональными партнёрами только на субнациональном уровне. Соглашения о преференциальной торговле, зоны свободной торговли (ЗСТ) и прочие формы экономической интеграции являются прерогативой федеральной власти. При этом «Поворот на Восток» во внешнеэкономической политике России пока не состоялся. Результаты многолетнего присутствия РФ в регионе весьма скромны: участие в Форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС)² и Соглашение о зоне свободной торговли между Вьетнамом и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС)³. При этом АТЭС пока не является сформировавшейся интеграционной группировкой [2; 5], а соглашение между Вьетнамом и ЕАЭС, по мнению экспертов [18], даст незначительный эффект.

Ключевыми внешнеторговыми партнёрами ДФО традиционно являются государства Северо-Восточной Азии (СВА)⁴. Пока между ними не заключено единого соглашения, однако переговоры о создании трёхсторонней ЗСТ между странами СВА ведутся с 2013 г. [8]. К настоящему времени проведено 13 раундов переговоров (последний по времени состоялся в Сеуле в марте 2018 г.), на которых обсуждались вопросы упрощения таможенных процедур, санитарные нормы, права интеллектуальной собственности и электронная коммерция.

Несмотря на то, что многостороннее экономическое сотрудничество в рамках СВА-3 развивается не очень быстро вследствие политических противоречий между участниками, ин-

¹ В данной статье акцент делается не на всём АТР, а только на Восточной Азии. Под Восточной Азией подразумеваются 13 стран АСЕАН+3: Китай, Япония, Республика Корея, Бруней, Камбоджа, Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Мьянма, Таиланд, Филиппины, Сингапур и Лаос.

² АТЭС объединяет 21 экономику: Японию, Индонезию, Республику Корея, Филиппины, Таиланд, Тайвань, Гонконг, КНР, Папуа – Новую Гвинею, Россию, Австралию, Чили, Перу, США, Бруней, Новую Зеландию, Сингапур, Вьетнам, Малайзию, Канаду и Мексику (<http://www.apec.org/About-Us/About-APEC/Member-Economies>).

³ Евразийский экономический союз в составе России, Казахстана, Беларуси, Армении и Киргизии.

⁴ В данной статье под Северо-Восточной Азией подразумеваются страны СВА-3: КНР, Республика Корея, Япония.

теграционные процессы в регионе активно развиваются в других форматах. Как и в мире в целом, интеграционные блоки в Восточной Азии растут не только «вширь», но и «вглубь» [5; 7; 19; 21; 22; 23; 26]. Так, Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в момент создания (8 августа 1967 г.) состояла всего из пяти стран¹, в настоящее время организация насчитывает 10 государств-членов². АСЕАН является объединением стран с наиболее глубокой степенью интеграции среди региональных блоков³. Однако формирование общего рынка в рамках АСЕАН-6⁴, которое планировалось к 1 января 2016 г., пока не произошло [6].

Либерализация торговли происходит не только в рамках АСЕАН, но и с партнёрами из третьих стран. При этом новые ЗСТ образуются по формуле АСЕАН+1. Соглашения о всеобъемлющем экономическом партнёрстве заключены между АСЕАН и Китаем, Японией, Республикой Корея, Австралией, Новой Зеландией и Индией [17]. Указанные соглашения распространяются не только на торговлю товарами, но и включают ряд других областей: услуги, инвестиции, упрощение процедур торговли (электронный обмен данными, система «единого окна» для прохождения таможенных процедур), стандарты и технические нормативы, урегулирование споров и т.д. [12]. Также начался диалог по обсуждению возможных интеграционных механизмов между Китаем, Японией, Республикой Корея и странами АСЕАН в формате АСЕАН+3.

Активное участие восточноазиатских стран в процессах экономической интеграции характеризуется не только ростом объединений «вширь» и «вглубь», но и созданием множества дублирующих друг друга соглашений, в основном двусторонних. Это явление в экономической литературе получило название «чашка лапши» («noodle bowl»)⁵. Так, кроме Соглашения о всеобъемлющем экономическом партнёрстве с АСЕАН 2008 г. у Японии существует семь двусторонних соглашений с членами Ассоциации (*рис. 1*), которые были заключены ранее указанного соглашения, однако не утратили силу после его подписания.

Россия не принимает активного участия в интеграционных процессах в Восточной Азии и не является ключевым торговым партнёром для государств региона. Так, её доля в совокупном товарообороте стран региона не превышает 1–2%, а доля Дальнего Востока вообще мизерна. Несмотря на это, наблюдается устойчивая тенденция проникновения российских бизнес-структур на восточноазиатские рынки [14].

В силу экономико-географического положения развитие Дальнего Востока сложно представить без дальнейшего укрепления торговых и инвестиционных связей макрорегиона со странами АТР в целом и СВА в частности. Различные федеральные программы и стратегии (например, «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»), а также ряд исследователей [1; 14; 15; 16; 17; 24; 25; 28] предполагают социально-экономическое развитие ДФО за счёт использования его природных ресурсов и транспортных артерий в обмен на финансовые ресурсы и технологии стран-партнёров. При этом в программных документах и некоторых исследованиях [17] обычно содержатся желаемые, но нереалистичные цели, представленные ниже.

¹ Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд.

² В 1984 г. в состав АСЕАН вошел Бруней, в 1995 г. – Вьетнам, в 1997 г. – Лаос и Мьянма, в 1999 г. – Камбоджа. Последние четыре участника (АСЕАН-4) являются наименее развитыми членами объединения.

³ Решение об углублении экономической интеграции в рамках АСЕАН было принято в 2003 г. В 2007 г. был подписан Устав АСЕАН, в котором предполагается создание сообщества АСЕАН как трёх сообществ – экономического, политического и социально-культурного. В рамках формирования экономического сообщества запланировано достижение четырёх свобод: перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы [27].

⁴ Индонезия, Малайзия, Филиппины, Бруней, Сингапур и Таиланд.

⁵ См., например, [23].

Рис. 1. Количество соглашений о зонах свободной торговли

Примечание: по состоянию на июль 2018 г.

Источник: составлено по https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/rta_participation_map_e.htm

Организация кратчайшего маршрута между Востоком и Западом, используя потенциальные возможности транспортного комплекса Дальнего Востока, сулит экономические и политические выгоды для ДФО и России в целом. Однако современное состояние транспортной инфраструктуры Дальнего Востока не соответствует программным ожиданиям и требует значительных инвестиций. Также не стоит забывать о проекте «Один пояс – один путь», активно продвигаемом КНР. Осуществление указанного проекта идёт вразрез с планами российских властей.

Туристическая инфраструктура ДФО также не развита и требует значительных инвестиций. Увеличение притока иностранных туристов (в основном из КНР) после 2014 г. произошло вследствие резкой девальвации курса рубля, а не роста привлекательности туристско-рекреационных ресурсов Дальнего Востока для иностранных туристов. Кроме того, организацией туров занимаются иностранные туристические компании, следовательно, российским компаниям достаётся незначительная часть доходов.

Создание на Дальнем Востоке фондовой биржи также не принесёт желаемых результатов. Иностранных инвесторов могут заинтересовать только ценные бумаги нескольких ресурсодобывающих компаний. Остальные местные эмитенты слишком малы не только по международным, но даже по российским меркам. Кроме того, не стоит ожидать высокого спроса дальневосточных инвесторов на ценные бумаги иностранных компаний.

Существенно снизить долю природных ресурсов в экспорте ДФО в кратко- и даже среднесрочной перспективе вряд ли представляется возможным, так как для иностранных торговых и инвестиционных партнёров именно они представляют интерес. Возможности расширения высокотехнологичного экспорта ограничиваются незначительным числом компаний, занятых в данной сфере, и дефицитом высококвалифицированных кадров, который обостряется в результате постоянного оттока населения из макрорегиона.

В 1990-е гг. Дальний Восток потерял 25% населения и 90% тяжёлой промышленности; в начале XXI в. развитие макрорегиона позиционировалось как приоритетное для всей страны. Однако кроме подготовки к саммиту АТЭС 2012 г. и строительства ряда объектов во Владивостоке ДФО не получил значительных инвестиций, а вложенные в проведение саммита

средства не дали ожидаемого эффекта. Поэтому в настоящее время Дальний Восток рассматривается странами-партнёрами по региону не как площадка для интеграции России в АТР в целом и Восточную Азию в частности, а как «чемодан без ручки» для федеральных властей и источник природных ресурсов для государств региона [16; 24].

Как отмечалось выше, региональные власти не наделены полномочиями развивать экономическую интеграцию, а федеральные власти пока не добились существенных успехов в данном направлении: Россия по-прежнему не принимает активного участия в процессах экономической интеграции в регионе, что в будущем может её только изолировать.

Внешнеторговые взаимодействия Дальнего Востока России

Развитие Дальнего Востока России на всех этапах исторического развития определялось приоритетами государства. До экономических реформ начала 1990-х гг. внешняя торговля играла вспомогательную роль в экономическом развитии макрорегиона. Торговые связи с внешними рынками лишь дополняли межрегиональный обмен Дальнего Востока с другими регионами страны. До начала 1990-х гг. поддержание экспортной ориентации экономики Дальнего Востока было основано на централизованных капиталовложениях в экстенсивное развитие сырьевых отраслей, что помогало поддерживать постоянный рост экспорта [11].

Резкое сокращение внутреннего спроса, рост транспортных издержек в межрегиональных экономических обменах Дальнего Востока и государственная политика либерализации и децентрализации в области регулирования внешнеэкономической деятельности послужили в начале 1990-х гг. мощным толчком для переориентации значительной части производства и потребления на внешние рынки и повышения внешнеторговой активности макрорегиона.

Региональная экономическая система на Дальнем Востоке пришла в состояние относительного равновесия к началу 2000-х гг.: внутрирегиональный спрос и предложение регионального продукта примерно сбалансировались. Но этот баланс воспроизводился с каждым циклом на всё более низком уровне, так как экзогенный спрос невелик по сравнению с объёмом производимого продукта, а эндогенный спрос мал в связи с незначительной численностью населения и малыми масштабами экономической деятельности в целом. В такой ситуации отсутствуют внутренние импульсы для выхода из замкнутого круга: низкий внутрирегиональный спрос – низкие объёмы производства – низкие доходы – низкий внутрирегиональный спрос. Таким образом, усиление экспортной ориентации экономики макрорегиона стало очевидным результатом вытеснения внутренних факторов регионального роста внешними [9].

В течение всего периода с начала экономических реформ наблюдалось наращивание объёмов регионального внешнеторгового оборота¹. Так, в 2013 г. объём внешней торговли Дальнего Востока достиг рекордной отметки – 40,1 млрд долларов, увеличившись по сравнению с 1992 г. в 14,7 раза. В течение всего периода увеличение происходило за счёт наращивания объёма экспорта (рис. 2).

Дальний Восток России является макрорегионом с сырьевой специализацией экономики. Продукция сырьевых отраслей – топливно-энергетического (ТЭК), рыбохозяйственного и лесопромышленного комплексов – составляла основу регионального экспорта на всём рассматриваемом временном интервале (в среднем 76,9%). Но за последние 15 лет Дальний Восток превратился в нефтеэкспортирующий регион (рис. 3) благодаря росту цен на энергоносители

¹ Несмотря на периодические спады, можно выделить положительный тренд в динамике внешнеторгового оборота и, в частности, экспорта.

с 2002 г. и выходу на проектную мощность нефтегазовых проектов (в 2004–2005 гг. в промышленную эксплуатацию был введён проект «Сахалин-1», в конце 2008–2009 гг. – Талаканское месторождение в Республике Саха (Якутия), а в 2009 г. вышел на круглогодичную добычу нефти проект «Сахалин-2»). Так, если в 1992 г. экспорт продукции ТЭК составлял 4,1% всего экспорта макрорегиона, то в 2004 г. – 33,2%, а в 2008 г. – 76,5%.

Рис. 2. Динамика внешней торговли Дальнего Востока России, млрд долл.

Источники: составлено по [3; 20] и http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=267&Itemid=90

Рис. 3. Товарная структура экспорта Дальнего Востока России, %

Источники: составлено по [3] и http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=267&Itemid=90

Внешняя торговля Дальнего Востока, в отличие от остальной части страны, в наибольшей степени ориентирована на страны АТР. В настоящее время макрорегион осуществляет торговлю более чем со 150 странами, но основными торговыми партнёрами в течение всего рассматриваемого периода неизменно оставались страны СВА. Так, в 2017 г. совокупный объём экспорта в страны субрегиона составил 16 млрд долларов, увеличившись по сравнению с 1992 г. (1,3 млрд долларов) в 12,8 раза. Но при этом доля соответствующих стран в совокупном экспорте макрорегиона незначительно, но уменьшилась (с 81,7% в 1992 г. до 72,1% в 2017 г.). Более показательна динамика распределения экспортных потоков Дальнего Востока между странами СВА. В последние годы стоимостные объёмы регионального экспорта равномерно распределяются между тремя странами субрегиона (рис. 4), что отличается от общероссийских тенденций¹.

Рис. 4. Доли стран СВА-3 в экспорте Дальнего Востока России, %

Источники: составлено по [3; 20] и http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=267&Itemid=90

Такая географическая концентрация внешней торговли Дальнего Востока, с одной стороны, может служить аргументом в пользу гравитационной теории внешней торговли, свидетельствуя об усилении интеграционных связей Дальнего Востока с северотихоокеанским рынком, но, с другой стороны, это означает сужение для Дальнего Востока «торгового горизонта». Макрорегион всё более адаптируется к ограниченному сегменту мирового рынка, превращаясь тем самым в придаток этого сегмента в силу ограниченной номенклатуры и отсутствия инвестиционных и технологических основ внешней торговли [10].

Сложившиеся товарная и географическая структуры внешней торговли Дальнего Востока определили два действительно серьёзных «срыва» в положительной динамике внешнеторгового оборота Дальнего Востока в рассматриваемый период – в 2008–2009 гг. и 2015–2016 гг.

В первом случае основной причиной ухудшения ситуации в сфере внешней торговли макрорегиона явилось существенное ухудшение общеэкономической конъюнктуры в странах СВА – основных торговых партнёрах Дальнего Востока, инициированное мировым финансовым кризисом 2008 г. Сокращение валового внутреннего спроса, особенно инвестиционного, спровоцировало снижение цен практически на все импортируемые странами субрегиона това-

¹ По данным Федеральной таможенной службы России, крупнейшими торговыми партнёрами РФ в 2017 г. являлись КНР (14,9% во внешнеторговом обороте РФ) и страны Европейского союза (42,2%), среди которых можно особо выделить Германию (8,6%) и Нидерланды (6,8%).

ры, в том числе на продукцию дальневосточного экспорта. Снижение цен коснулось практически всей основной номенклатуры регионального экспорта. Наиболее резкое падение стоимостных объёмов экспорта было характерно для продукции минерально-сырьевого (на 95,3%), топливно-энергетического (на 36,7%) и лесопромышленного (на 36,75%) комплексов [11].

Во втором случае снижение внешнеторговой активности макрорегиона было связано с падением цен на нефть – основную статью экспорта.

Возникают вопросы: действительно ли внешняя торговля является (в частности, экспорт) Дальнего Востока драйвером экономического развития макрорегиона? возможно ли дальнейшее увеличение объёма регионального экспорта или импульсы, послужившие его наращиванию, исчерпали себя, и изменение динамики в последние несколько лет связано не только с внешним ценовым шоком?

Рост экспортных доходов в 1990-е гг. послужил компенсатором сокращения внутринационального спроса, а импорт позволил достичь в конечном счёте равновесия на потребительском рынке и компенсировать в некоторой степени разрушение системы материально-технического снабжения в территориальном аспекте. Однако экспортный мультипликатор на Дальнем Востоке до настоящего времени имеет незначительную величину (*рис. 5*).

Рис. 5. Динамика экспорта и ВРП Дальнего Востока России (2000 г. = 100%)

Источники: рассчитано по http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

Примерно треть всех товаров, произведённых на территории ДФО, направляется на внешний рынок, однако практически весь экспорт макрорегиона генерируется в одном субъекте РФ – Сахалинской области. В других дальневосточных субъектах доля экспорта в ВРП существенно ниже (*табл. 1*). Поэтому сложно говорить о влиянии экспорта на развитие ДФО в целом.

Как отмечалось выше, оценка перспектив развития внешнеэкономических связей Дальнего Востока России невозможна без учёта ситуации в АТР в целом и СВА в частности. Наличие богатых природных ресурсов и близость к основным потребителям не являются гарантией закрепления на конкурентных внешних рынках. Даже в условиях успешно реализующихся долгосрочных контрактов на поставку сахалинского СПГ в Японию и Республику Корея и ряда долгосрочных контрактов на поставку энергоресурсов в КНР, подписанных в последние

годы, доля всех российских энергоресурсов в структуре импорта стран СВА ограничивается 10% (в 2016 г. доля России в импорте продукции ТЭК КНР составила 10,8%, Республики Корея – 7,5%, Японии – 7,1%)¹. Несмотря на реализацию различных проектов, не ожидается существенного изменения доли российских энергоресурсов на рынках стран СВА.

Таблица 1

Доля экспорта в ВРП дальневосточных субъектов РФ, %

Территория	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Сахалинская область	17,0	62,8	64,1	61,6	73,4	78,4	78,9	80,8	81,2	84,8	78,3
Приморский край	13,4	10,9	6,8	9,2	9,1	9,0	11,1	18,4	23,7	23,1	19,7
Республика САХА (Якутия)	5,3	22,0	18,4	14,2	25,4	27,7	26,9	26,4	29,4	31,1	34,3
Хабаровский край	48,0	19,4	15,8	11,2	10,5	12,1	11,0	9,6	10,1	11,8	16,2
Камчатский край	7,1	6,1	5,4	17,9	18,5	15,6	17,1	14,8	13,9	19,4	19,2
Амурская область	3,6	4,8	5,2	3,6	2,7	3,1	5,5	6,7	6,0	8,8	7,9
Магаданская область	1,7	8,5	7,6	6,0	5,5	8,0	7,7	10,9	12,6	16,1	18,9
ЕАО	1,7	2,0	2,3	1,6	0,8	0,8	1,2	1,5	2,2	5,1	4,9
ЧАО	0,1	0,1	0,1	2,5	3,1	3,0	3,3	6,5	9,8	8,8	9,6
ДФО в целом	17,0	25,0	22,8	22,0	26,7	29,0	29,8	31,6	34,1	35,3	33,2

Примечание: ЕАО – Еврейская автономная область, ЧАО – Чукотский автономный округ.

Источники: рассчитано по http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

Ещё один вопрос, возникающий в данном контексте: сможет ли макрорегион наращивать объём экспортных поставок энергоресурсов в случае увеличения спроса со стороны стран-партнёров?

Большая часть существующих проектов, определяющих возможности и ограничения дальневосточного экспорта, уже вышли на проектные мощности. Текущие обязательства по экспорту энергоресурсов обеспечены соответствующей инфраструктурой, а дальнейшее наращивание поставок потребует её расширения, так как текущая пропускная способность нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан задействована практически на пределе, а строительство новой энергетической инфраструктуры требует высоких затрат и в то же время создаёт дополнительные риски для российской стороны из-за значительной рыночной власти покупателя [4].

Ожидания экспертов правительства относительно того, что проекты по созданию транзитной инфраструктуры для экспорта энергоресурсов будут стимулировать экономический рост и социальное развитие на самом Дальнем Востоке, сильно завышены. Все крупные предприятия ТЭК не являются региональными резидентами, что приводит к перераспределению финансовых результатов от их деятельности за пределы макрорегиона. Существующая система налогообложения также направлена на концентрацию природной и экспортной ренты в федеральном бюджете. Следовательно, дальнейшее наращивание экспорта энергоресурсов не

¹ Рассчитано по http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_referer=&sCS_ChosenLang=en

будет или будет в очень малой степени генерировать собственно региональные ресурсы развития [13].

Также стоит отметить, что подписание соглашений о ЗСТ не является единственной и наиболее важной целью участия России в интеграционной игре в Восточной Азии. Для макрорегиона это будет ещё одной «порцией» в имеющуюся «чашку лапши». Для России в целом простое обнуление таможенных пошлин без встраивания российских компаний в глобальные и региональные производственные сети, функционирующие на территории стран Восточной Азии и АТР в целом, может привести к росту торговых потоков, но не к изменению структуры торговли.

Но с точки зрения решения задачи развития Дальнего Востока могут появиться дополнительные положительные эффекты. Предполагается, что либерализация внешней торговли с партнёрами по СВА и АТР создаст для Дальнего Востока эффект расширения торговли и эффект благосостояния, так как обнуление импортных пошлин на потребительские товары сделает их доступнее для местного населения, а потери от отмены таможенных пошлин будет нести федеральный бюджет, а не бюджеты дальневосточных субъектов РФ.

Заключение

Место России в глобальной экономике невозможно представить без учёта оценки потенциала, тенденций развития и потребностей стран АТР в целом и СВА в частности. Территориально к АТР относится только Дальний Восток России, включающий в себя 9 субъектов РФ. На протяжении последних 25 лет для внешней торговли Дальнего Востока были характерны следующие тенденции: в географической структуре экспорта и импорта ключевую роль играли страны СВА; в товарной структуре экспорта преобладала продукция сырьевых отраслей (топливно-энергетического, рыбохозяйственного и лесопромышленного комплексов), причём в последние 15 лет более половины экспорта макрорегиона составляла продукция ТЭК.

В упомянутых выше программных документах экспорт рассматривается как драйвер экономического роста макрорегиона, и в данном контексте возникает вопрос: согласуется ли наше желание по увеличению объёма регионального экспорта с возможностями роста спроса со стороны стран-партнёров. Проведённые исследования показывают, что, несмотря на реализацию различных проектов, не ожидается существенного изменения доли российских энергоресурсов на рынках стран СВА и дальнейшее наращивание экспорта энергоресурсов не будет или будет в очень малой степени генерировать собственно региональные финансовые ресурсы развития.

Использование транзитного положения макрорегиона для наращивания поставок азиатских грузов в Европу по Транссибирской железнодорожной магистрали идёт вразрез с планами Китая по реализации инициативы «Один пояс – один путь». Также стоит отметить неразвитость туристической инфраструктуры и, как следствие, незначительную привлекательность дальневосточных туристско-рекреационных ресурсов для иностранных туристов. Финансовые возможности макрорегиона также ограничены, а увеличение притока иностранных инвестиций сталкивается с многочисленными барьерами.

Страны АТР активно вовлечены в процесс «интеграционной игры» и встроены в международные производственные сети. Россия в этих процессах почти не участвует, что в будущем может негативно сказаться на долгосрочном развитии и процветании не только Дальнего Востока России, но и страны в целом. Кроме того, заключение соглашений о внешнеэкономическом сотрудничестве – это прерогатива федеральных, а не региональных властей. Поэтому без «разворота» российской внешнеэкономической политики «на Восток» de facto, а не de jure социально-экономическое развитие дальневосточных территорий представляется туманным.

Список литературы

1. Быстрицкий С.П., Заусаев В.К. Россия – Северо-Восточная Азия. Дальневосточный экономический мост на рубеже эпох. М.: ИЭПП, 2007. 297 с.
2. Веремеев Н. Торгово-экономическая конкуренция на Тихом океане // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 2. С. 95–111. DOI: 10.17994/IT.2016.14.2.45/7.
3. Деваева Е.И. Экономическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии: региональные аспекты. Владивосток: ДВО РАН, 2004. 208 с.
4. Дёмина О.В. Российские энергоресурсы на рынках стран АТР: развитие экспортной инфраструктуры // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 4. С. 21–30. DOI: 10.14530/reg.2015.4
5. Дёмина Я.В. Процессы международной экономической интеграции в АТР и интересы России: итоги 25 лет // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 16–40. DOI: 10.14530/se.2017.2.016-040
6. Дёмина Я.В. Эффекты торговой интеграции в странах АСЕАН // Пространственная экономика. 2015. № 3. С. 120–141. DOI: 10.14530/se.2015.3.120-141
7. Костюнина Г.М. Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 1. С. 34–42.
8. Лукин А.Л. Россия и формирующееся экономическое сообщество Северо-Восточной Азии: роль Республики Корея // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 3. С. 136–143.
9. Минакир П.А. Внешнеэкономическое сотрудничество на Дальнем Востоке России: проблемы и перспективы // Регион: экономика и социология. 2000. № 1. С. 69–84.
10. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.
11. Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: Институт экономических исследований ДВО РАН, 2010. 304 с.
12. Потапов М. Состояние и перспективы экономического развития Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 1. С. 42–52.
13. Развитие Дальнего Востока России в контексте будущего Северо-Восточной Азии: монография / под ред. Ли Чжэ Ёна, П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 108 с.
14. Рензин О.М., Суслов Д.В. Перспективы интеграции Тихоокеанской России в АТР // Власть и управление на Востоке России. 2012. № 4. С. 44–52.
15. Рензин О.М., Суслов Д.В. Перспективы интеграции Тихоокеанской России в АТР: сценарии // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 1. С. 39–46.
16. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.
17. Усольцев В. Тихоокеанская Азия: экономическая интеграция и перспективы России // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 8. С. 67–75.
18. Хейфец Б.А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России. М.: Институт экономики РАН, 2016. 86 с.
19. Целищев И.С. Восточная Азия: новая волна роста и структурная трансформация. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 118 с.
20. Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П.А. Минакир. Хабаровск: РИОТИП, 2007. 208 с.
21. Baldwin R., Jaimovich D. Are Free Trade Agreements Contagious? National Bureau of Economic Research (NBER) Working Paper No. 16084. 2010. 27 p.
22. Crawford J., Fiorentino R. The Changing Landscape of Regional Trade Agreements. WTO Discussion Paper No. 8. Geneva, 2005. 33 p.

23. Kawai M., Wignaraja G. Asian FTAs: Trends and Challenges. ADBI Working Paper No. 144. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2009. 40 p.
24. Klein M. Russia: A Euro-Pacific Power? Goals, Strategies and Perspectives of Moscow's East Asia Policy. SWP Research Paper. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2014. 37 p.
25. Kuhrt N. The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery? // Europe Asia Studies. 2012. Vol. 64. № 3. Pp. 471–493. DOI: 10.1080/09668136.2012.661926
26. Lee J., Shin K. Does Regionalism Lead to More Global Trade Integration in East Asia? MPRA Paper No. 706. October 2005. 41 p.
27. Roadmap for an ASEAN Community 2009–2015. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2009. 128 p.
28. Troyakova T., Wishnick E. Integration or Disintegration: Challenges for the Russian Far East in the Asia-Pacific Region // The Russian Far East Today: Regional Transformations under Globalization. Ed. by N. Arai. Sapporo: Slavic Research Center, 2003. Pp. 1–37.

References

1. Bystritskiy S.P., Zausaev V.K. *Russia – North Eastern Asia. Far Eastern Economic Bridge at the Frontier of Epochs*. Moscow, 2007. 297 p. (In Russian)
2. Veremeev N. Asia-Pacific in Times of Competitive Regionalism. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends]. 2016. No. 2. Pp. 101–112. DOI: 10.17994/IT.2016.14.2.45/7 (In Russian).
3. Devaeva E.I. *Economic Cooperation in North-East Asia: Regional Aspects*. Vladivostok, 2004. 208 p. (In Russian)
4. Dyomina O.V. Russian Energy Resources to the Markets of the Asia-Pacific Region: The Development of Export Infrastructure. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2015. Vol. 2. No. 4. Pp. 21–30. DOI: 10.14530/reg.2015.4 (In Russian)
5. Dyomina Ya.V. International Economic Integration in the Asia Pacific Region and Russia's Interests: Results of 25 Years. *Prostranstvennaya ekonomika* = Spatial Economics. 2017. No. 2. Pp. 16–40. DOI: 10.14530/se.2017.2.016-040 (In Russian)
6. Dyomina Ya.V. Trade Integration Effects in ASEAN Countries. *Prostranstvennaya ekonomika* = Spatial Economics. 2015. No. 3. Pp. 120–141. DOI: 10.14530/se.2015.3.120-141 (In Russian).
7. Kostyunina G.M. East Asia's Regionalization: Origins and Main Models. *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations]. 2011. No. 1. Pp. 34–42. (In Russian)
8. Lukin A.L. Russia and an Emerging Economic Community of Northeast Asia: the Role of the Republic of Korea. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumena. Regional Researches]. 2016. No. 3. Pp. 136–143. (In Russian)
9. Minakir P.A. Foreign Economic Cooperation in the Russian Far East: Problems and Prospects. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology]. 2000. No. 1. Pp. 69–84. (In Russian)
10. Minakir P.A. Regions' Economics. Russian Far East. Moscow, 2006. 848 p. (In Russian)
11. Minakir P.A., Prokapalo O.M. *Regional Economic Dynamics. The Russian Far East*. Khabarovsk, 2010. 304 p. (In Russian)
12. Potapov M. Status and Prospects of Economic Development in East Asia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2014. No. 1. Pp. 42–52. (In Russian)
13. *Development of the Russian Far East in the Context of Future for the Northeast Asia*. Ed. by Lee Jae-Young, P.A. Minakir. Khabarovsk, 2017. 108 p.
14. Renzin O.M., Suslov D.V. Prospects of Integration of the Pacific Russia in APR. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [The Power and Administration in the East of Russia]. 2012. No. 4. Pp. 44–52. (In Russian)

15. Renzin O.M., Suslov D.V. Prospects of Integration of the Pacific Russia in APR: Scenarios. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [The Power and Administration in the East of Russia]. 2013. No. 1. Pp. 39–46. (In Russian)
16. *Integrating Pacific Russia into the North Pacific Region: Experience and Potential of Regional and Cross-Border Cooperation in the Beginning of 21st Century*. Ed. by V.L. Larin. Vladivostok, 2017. 386 p. (In Russian)
17. Usoltsev V. Pacific Asia: Economic Integration and Prospects of Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2011. No. 8. Pp. 67–75. (In Russian)
18. Kheifets B.A. *Transregional Reformatting of the Global Economic Space. Challenges for Russia*. Moscow, 2016. 86 p. (In Russian)
19. Tselishev I.S. *East Asia: A New Wave of Growth and Structural Transformation*. Moscow, 2012. 118 p. (In Russian)
20. *Economic Cooperation between the Russian Far East and Asia-Pacific Countries*. Ed. by P.A. Minakir. Khabarovsk, 2007. 208 p. (In Russian)
21. Baldwin R., Jaimovich D. *Are Free Trade Agreements Contagious?* National Bureau of Economic Research (NBER) Working Paper No. 16084. 2010. 27 p.
22. Crawford J., Fiorentino R. *The Changing Landscape of Regional Trade Agreements*. WTO Discussion Paper No. 8. Geneva, 2005. 33 p.
23. Kawai M., Wignaraja G. *Asian FTAs: Trends and Challenges*. ADBI Working Paper No. 144. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2009. 40 p.
24. Klein M. *Russia: A Euro-Pacific Power? Goals, Strategies and Perspectives of Moscow's East Asia Policy*. SWP Research Paper. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2014. 37 p.
25. Kuhrt N. The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery? *Europe Asia Studies*. 2012. Vol. 64. No. 3. Pp. 471–493. DOI: 10.1080/09668136.2012.661926
26. Lee J., Shin K. *Does Regionalism Lead to More Global Trade Integration in East Asia?* MPRA Paper No. 706. October 2005. 41 p.
27. *Roadmap for an ASEAN Community 2009–2015*. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2009. 128 p.
28. Troyakova T., Wishnick E. Integration or Disintegration: Challenges for the Russian Far East in the Asia-Pacific Region. In: *The Russian Far East Today: Regional Transformations under Globalization*. Ed. by N. Arai. Sapporo: Slavic Research Center, 2003. Pp. 1–37.

■ ■ ■
Для цитирования:

Дёмина Я.В., Мазитова М.Г. Развитие Дальнего Востока России в условиях интенсификации интеграционных процессов в АТР // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 41–54. DOI: [10.14530/reg.2018.4.41](https://doi.org/10.14530/reg.2018.4.41)

For citing:

Dyomina Ya.V., Mazitova M.G. Russian Far East Development: Challenges under Deepening Integration in Asia Pacific. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 4. Pp. 41–54. DOI: [10.14530/reg.2018.4.41](https://doi.org/10.14530/reg.2018.4.41) (In Russian)